

От Казани до Грозного: как экзистенциальная безопасность делает людей менее религиозными (на примере республик Поволжья и Северного Кавказа)

АРТУР У. МУСАЕВ

Рекомендация для цитирования:

Мусаев А. У. От Казани до Грозного: как экзистенциальная безопасность делает людей менее религиозными (на примере республик Поволжья и Северного Кавказа) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(4). С. 224–254.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-224-254>

For citations:

Musaev, A. U. (2024) "From Kazan to Grozny: How Existential Security Makes People Less Religious (the Cases of Volga and North Caucasus Republics of Russia)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(4): 224–254.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-224-254>

Поступила в редакцию: 13.03.2024;
прошла рецензирование: 16.05.2024;
принята в печать: 16.09.2024.

Received: 13.03.2024; Revised: 16.05.2024;
Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

a.musaev@hse.ru

ORCID: 0009-0003-7533-4507

В статье на примере мусульманских регионов России (Северный Кавказ и Поволжье) проверяется культурная гипотеза эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля о снижении религиозности вследствие увеличения ощущения экзистенциальной безопасности. На данных опроса, проведенного в онлайн-сообществах, мы демонстрируем, что классическая идея эволюционной теории модернизации о большей секуляризации в более богатых регионах работает и для российских регионов с мусульманским большинством. Татарстан и Башкирия оказываются менее религиозными как по показателям субъективной религиозности (самоидентификации и важности Бога в жизни) и объективной религиозности (пост, частота молитв и посещение мечетей), тогда как регионы Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия) демонстрируют противоположные черты. Более того, мы показываем, что субъективная религиозность респондентов оказывается сильно выше, чем объективная религиозность. Индекс объек-

тивной религиозности оказывается подходящим инструментом для измерения религиозности в мусульманских обществах, объясняя до половины вариации в субъективной религиозности, а социальный класс респондента (доход, возраст и образование), доля русского населения и этническая гомогенность, а также экономическое положение региона тоже оказываются связаны с религиозностью, что еще раз подтверждает гипотезу о связи секуляризации с модернизацией.

Ключевые слова: религиозность, модернизация, секуляризация, ислам, мусульманские регионы, объективная и субъективная религиозность

From Kazan to Grozny: How Existential Security Makes People Less Religious (the Cases of Volga and North Caucasus Republics of Russia)

Artur U. Musaev

HSE University (Moscow, Russia). a.musaev@hse.ru

ORCID: 0009-0003-7533-4507

The author tests the cultural hypothesis of the evolutionary theory of modernization by R. Inglehart and K. Welzel using the cases of Muslim regions of Russia (North Caucasus and Volga region). Based on survey data from online communities, the author demonstrates that the classic idea of the theory about greater secularization in richer regions also works for Russian Muslim-majority regions. Tatarstan and Bashkiria turn out to be less religious both in terms of subjective religiosity (self-identification and the importance of God in life) and objective religiosity (fasting, frequency of prayers and visiting mosques), while the regions of the North Caucasus (Chechnya, Ingushetia, Dagestan, Karachay-Cherkessia) show the opposite trend. Moreover, the subjective religiosity of respondents turns out to be much higher than the objective religiosity. At the same time, the index of objective religiosity turns out to be a suitable instrument for measuring religiosity in Muslim societies, explaining up to half of the variation in subjective religiosity. The social class of the respondents (income, age and education), the share of the Russian population and ethnic homogeneity, as well as the economic situation of the region, are also correlated with religiosity, which once again confirms the hypothesis of the above theory.

Keywords: religiosity, modernization, religious commitment, Islam, Muslim regions, objective and subjective religiosity, secularization

Введение

В СОВРЕМЕННЫХ социальных науках существует множество исследований, связанных с религией, религиозностью и воздействием, которое эти явления оказывают на жизнь людей. Социолог П. Бергер предрекал закат религии в конце XX и начале XXI века, однако этого так и не произошло¹. Исследователи фиксируют упадок религиозности в большинстве развитых стран, однако полностью религия нигде не исчезла². Современные тенденции описываются скорее в терминах постсекулярности, когда религиозность и религия не исчезают полностью, а трансформируются во многих обществах в явления, которые больше отвечают современным реалиям³. Более того, ряд стран, в частности исламского мира, все еще остается очень религиозным как в плане самоидентификации, так и в отношении религиозных практик⁴.

В российском контексте исследователи часто говорят о номинальной религиозности, когда люди относят себя к определенной конфессии, но не верят в Бога или не соблюдают большинство религиозных практик (от поста до посещения церкви)⁵. Однако в России также есть регионы, которые сильно отличаются в этом отношении от средних показателей по стране. Это регионы России с мусульманским большинством населения: Татарстан, Баш-

1. Berger, P. (2001) "Sociology: a Disinvitation?", in S. Cole (ed.) *What's Wrong with Sociology?*, pp. 193–204. New Brunswick; L.: Transaction Publishers.
2. Inglehart, R. F. (2020) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?*. Oxford University Press.
3. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3(82). С. 3–32; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития; Moaddel, M. (2009) "The Iranian Revolution and its Nemesis: The Rise of Liberal Values among Iranians", *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 29(1): 126–136.
5. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Юнити-Дана, 2008; Филатов С., Лункин Р. Статистика Российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Россия и мусульманский мир. 2005. № 42(10). С. 42–53.

кирия, Чеченская Республика, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария⁶.

Существующие теории модернизации предполагают, что с процессом социально-экономического развития происходит секуляризация, то есть религия становится менее важной для людей в личной и общественной жизни. Однако эмпирические данные по некоторым мусульманским регионам России показывают, что несмотря на десятилетия экономического роста и улучшения уровня жизни, которые приводят к росту ощущения экзистенциальной безопасности, в них все еще наблюдается высокий уровень религиозности⁷.

Таким образом, высокий уровень религиозности в регионах России с мусульманским большинством населения на первый взгляд противоречит гипотезе о секуляризации. Добавим к этому, что высокий уровень религиозности в мусульманских сообществах как в мусульманских странах, так и в регионах проживания мусульманского большинства в неисламских странах, часто приводится как опровержение теории секуляризации, так как религиозность не снижается в ответ на увеличение уровня благосостояния⁸.

В настоящем исследовании мы попытаемся доказать обратное. Секуляризация как процесс снижения роли религии в жизни общества происходит как на уровне стран, так и внутри стран, в которых происходит экономический рост, делающий жизнь людей более безопасной и предсказуемой. В ситуации тревоги и отсутствия гарантии собственной безопасности люди нуждаются в стабильных и традиционных религиозных правилах, однако улучшение условий существования снижает эту потребность⁹.

Мы пытаемся выявить связь между уровнем религиозности в регионе и уровнем экономического развития. Мы считаем, что, несмотря на потенциально высокий уровень религиозности в му-

6. Pew Research Center (2011) "The Future of the Global Muslim Population". *Projections for 2010–2030* [https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2011/01/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf, accessed on 24.12.2024].

7. Ситников А. В., Романов М. В., Одаев Т. Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 150(2). С. 262–288.

8. Inglehart, R. F. *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?*

9. Там же.

сульманских регионах России, они следуют тем же тенденциям, что и остальная часть страны.

Как мы покажем далее, предыдущие исследования регионов России с мусульманским большинством населения концентрировались преимущественно на проблеме внутри отдельного региона, а не кросс-региональных сравнениях.

В нашем исследовании мы используем данные онлайн-опроса по семи регионам России с мусульманским большинством населения. Мы стремимся понять, действительно ли указанные кейсы противоречат гипотезе модернизации¹⁰. Для этого мы используем данные как об субъективной религиозности (самоидентификации человека себя как религиозного и важность для него Бога), так и об объективной религиозности (различные религиозные практики: пост, посещение мечетей, частота молитв).

Работа состоит из следующих частей: обзор литературы, включающий обзор ключевых современных теорий и подходов к анализу религии, а также специфики рассматриваемых регионов РФ и методики измерения религиозности; эмпирическая часть, которая включает описание данных, методы сбора и анализа, а также непосредственно сам анализ; в заключительной части будут представлены некоторые методологические и концептуальные ограничения.

Подходы к изучению места и роли религии в обществе

Секуляризация — один из ключевых аспектов модернизации. Классические авторы, фокусирующие внимание на последствиях модернизации в XVIII–XIX вв., обращали внимание на снижение роли религии в общественной жизни, прогнозируя дальнейший упадок или полное исчезновение¹¹. В современных исследованиях схожие взгляды поддерживаются в рамках когнитивных теорий, объясняющих религию и упадок религиозности. В основе лежит

10. Ситников А. В., Романов М. В., Одаев Т. Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти.

11. Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. Москва: Политиздат, 1969; Eisenstadt, S. (1966) *Modernization: Protest and Change and Development*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

тезис о связи между ростом уровня жизни и образования и снижением уровня религиозности¹².

Полного исчезновения религии не случилось. Напротив, многие исследователи обращают внимание на рост религиозного фундаментализма в разных странах. Эти процессы получили название «десекуляризация». Некоторые авторы оппонируют тезису о секуляризации, замечая, что за пределами западных стран произошло небывалое «религиозное возрождение»¹³. Более того, секуляризация понимается как модернистский концепт, который совершенно не учитывает особые культурно-исторические контексты незападных обществ¹⁴.

Другая оппозиция теории секуляризации — теория религиозных рынков¹⁵. Авторы предполагают, что большая религиозность в США по сравнению со странами Европы обусловлена наличием конкуренции. Церкви с большой историей имеют монополию на представительство религиозных интересов, что, по рыночной логике, снижает качество предложения религиозных услуг. Протестантские церкви, на примере США, напротив, конкурируют за потребителя, делая предложение более качественным и повышая спрос.

Еще один подход, критикующий классическую модель секуляризации, это теория религиозной индивидуализации¹⁶. Этот

12. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021; Baker J. O., Smith B. G. (2009) "The Nones: Social Characteristics of the Religiously Unaffiliated", *Social Forces* 87(3): 1251–63; Smith, C. (2009) *Souls in Transition: The Religious and Spiritual Lives of Emerging Adults*. New York: Oxford University Press.
13. Gorski, P., Altinordu, A. (2008) "After Secularization?", *Annual Review of Sociology* 34(1): 55–85.
14. Evans, J., Evans, M. (2008). "Religion and Science: Beyond the Epistemological Conflict Narrative", *Annual Review of Sociology* 34(1): 87–105; Smith, C (ed.) (2003) *The Secular Revolution: Power, Interests, and Conflict in the Secularization of American Public Life*. Berkeley: University California Press.; Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернность. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
15. Regnerus, M. D., Smith, C. (1998) "Selective Deprivatization Among American Religious Traditions: The Reversal of The Great Reversal", *Social Forces* 76(4): 1347–1372; Sherkat, D., Ellison, C. (1999) "Recent Developments and Current Controversies in the Sociology of Religion", *Annual Review of Sociology* 25(1): 363–94; Stark, R., Finke, R. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University California Press; Warner, S. R. (1993) "Work in Progress toward a New Paradigm for the Sociological, Study of Religion in the U.S.", *American Journal of Sociology* 98(5): 1044–1093.
16. Baumsteiger, R., Chenneville, T., McGuire, J. F. (2013) "The Roles of Religiosity and Spirituality in Moral Reasoning", *Ethics & Behavior* 23(4): 266–277.

подход предполагает не уменьшение роли религии в развитых странах, а смену формы, или деинституционализацию. Конвенциональная религия, к которой относит себя большинство населения, включающая единую церковь и общину, меняется на различные индивидуальные формы духовного восприятия или традиционные веры предков¹⁷.

Эволюционная теория модернизации и теории секуляризации

В нашем исследовании мы придерживаемся подхода к секуляризации в его культурном варианте, который является частью эволюционной теории модернизации. Мы считаем, что стабильный экономический рост приводит к росту чувства безопасности в развитых странах, что, в свою очередь, ведет к падению уровня религиозности. Это связано с тем, что на протяжении большей части человеческой истории безопасность не была данностью, а религия обеспечивала уверенность людей в будущем и была инструментом поддержки¹⁸.

Принципиальное отличие нашего подхода от более классических подходов к секуляризации в том, что она объясняется не процессом модернизации как таковым или достижениями науки и образования, а именно уровнем чувства экзистенциальной безопасности (existential security), что предполагает нелинейность этого процесса и возможность отката обратно в условиях различных кризисов, таких как война, экономическая депрессия или различные природные катаклизмы¹⁹.

Мы принципиально несогласны со многими выводами в рамках других подходов, описанных выше. Говоря о теории религиозного возрождения, подчеркивается, что количество религиозных людей в мире в последние десятилетия выросло. Однако этот вывод касается только развивающихся стран, где наблюдается высокий уровень рождаемости, относительно высокая младенческая смертность и безопасность не является гарантированной. В развитых странах, в свою очередь, секуляризация за последние десятилетия только ускорилась, как, например, в странах Восточной Европы (Чехия, Польша, Словения)²⁰.

17. Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. № 50(5). С. 23–40.

18. Инглхарт Р., К. Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития.

19. Inglehart, R. F. *Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?*

20. Инглхарт Р. Культурная Эволюция. М.: Мысль, 2018; Bruce, S. (2002) *God Is Dead: Secularization in the West*. London: Blackwell.

Теория религиозных рынков во многом была призвана объяснить особое положение США как развитой страны с высокой религиозностью. В отличие от большинства стран Европы, а также других англоговорящих стран, таких как Великобритания, Австралия и Канада, в США социальные гарантии были гораздо ниже (общедоступная медицина и образование), что создавало чувство незащищенности. Однако экономический рост и в Америке привел к чувству большей безопасности. Это привело к тому, что за последние десять лет в США наблюдается самое большое падение уровня религиозности, несмотря на отсутствие религиозных монополий и конкуренцию между церквями²¹. Более того, другие эмпирические исследования показывают, что существуют положительная связь между наличием государственной религии и частотой посещения религиозных служб, что прямо противоречит теории религиозных рынков²².

В свою очередь, теория религиозной индивидуализации и замена религии духовностью не противоречат, по нашему мнению, тезису о секуляризации. Духовность как индивидуальное мироощущение и поиск смысла жизни не идут в дополнение к существующим религиям, а приходят ей на смену²³.

Более сильным аргументом против универсальности теории секуляризации является высокая религиозность в мусульманских сообществах. Для порядка 10 мусульманских стран, по которым были доступны данные временных рядов, среднее значение «важности Бога в жизни человека», которое измерялось от 1 до 10, где 10 — очень важен, составляло порядка 9,45 для всех стран с колебаниями от 8,67 для Азербайджана до 9,96 для Египта. При этом за временной промежуток более пятнадцати лет изменения были незначительны²⁴. Мы считаем, что такой высокий уровень религиозности объясняется не только низким уровнем экономического развития большинства стран с мусульманским большинством, но и прямой опасностью для жизни и здоровья человека в случае его нерелигиозности, выражаемой публично. Не менее важ-

21. Inglehart, R. F. *Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?*

22. McCleary, R. M., Barro, R. J. (2019) *The Wealth of Religions: The Political Economy of Believing and Belonging*. Princeton University Press.

23. Norris, P., Inglehart, R. (2004) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. New York: Cambridge University Press; Inglehart, R. *Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?*; Zuckerman, P. (2008) *Society Without God. In Society Without God*. New York University Press.

24. Inglehart, R. F. *Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?*

ным также является тот факт, что в список рассмотренных стран не входят нефтяные монархии Персидского залива, где уровень экономического развития в последние десятилетия достиг показателей развитых стран Запада.

Мы также считаем, что сравнение регионов с мусульманским большинством в России, преимущественно немусульманской стране, позволит в некоторой степени увидеть более реальную картину того, как работает теория секуляризации. Мы понимаем, что нерелигиозность в контексте мусульманских регионов тоже табуирована, однако полагаем, что именно влияние институтов государства, которое формировалось под влиянием христианства долгое время, имеет большее влияние на условия жизни и ценности людей, независимо от местной, региональной культуры и религии. Исходя из этого, мы ожидаем увидеть результаты, отличные от тех, которые мы видим, сравнивая именно страны с мусульманским большинством населения²⁵.

Критика рассматриваемого подхода к секуляризации направлена на ограничение понимания религиозности как «социо-психологического феномена — просто реакции на условия экзистенциальной материальной неуверенности»²⁶. В своей работе Х. Казанова также пишет о сложности интерпретации низкого уровня религиозности в странах Юго-Восточной Азии. В большинстве из них безопасность не является гарантированной. При этом высокие значения религиозности наблюдаются в Соединенных Штатах, которые являются страной с высоким уровнем доходов²⁷.

Существует также критика самого понятия секуляризации и секуляризма в отношении ислама. Т. Асад в своей работе критикует попытку использования этих концептов в отношении мусульманских сообществ как «западноцентричных», не являющихся нейтральными, а часто являющихся элементами политического контроля и власти. С другой стороны, возникнув после Реформации и Просвещения в определенном контексте, эти идеи часто переносятся на исламские сообщества, где религия не отделялась от остальных сфер общества, а всегда была с ними тесно пе-

25. Инглхарт Р., К. Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития.

26. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4(36). С. 143–174.

27. Там же.

реплетена, что делает ее просто неподходящей для анализа этих групп²⁸. Мы же считаем, что религия выполняет схожие функции для всех обществ, в которых безопасность не является гарантированной. Таким образом, мы подчеркиваем универсальную функцию религии, которая становится все менее необходимой по мере увеличения ощущения экзистенциальной безопасности в разных сообществах.

Далее мы рассмотрим определенный региональный контекст мусульманских регионов России, а также специфику измерения религиозности в мусульманских сообществах.

Методология

Измерение объективной и субъективной религиозности

Как отмечают многие авторы, эмпирические исследования религиозности проводятся преимущественно на материале христианских обществ. Все большую популярность приобретают исследования иных деноминаций, например, ислама²⁹. В рамках современной социологии ислама авторы фокусируются на разных аспектах, среди них проблемы прав женщин, религиозных меньшинств, а также измерение религиозности³⁰.

Интерес к исламу также обусловлен высоким уровнем религиозности в странах, где мусульмане составляют большинство населения³¹. Этот аргумент часто приводится как пример того, почему сама теория секуляризации неприменима к мусульманским сообществам³².

Некоторые авторы акцентируют внимание на том, что, в отличие от привычного в христианских обществах представления о разделении религии (церкви) и государства, в исламских обществах такого разделения не было и нет³³. По этим причинам само применение секуляризации как частного аспекта теории модер-

28. Asad T. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность.

29. Penny, E. (2012) "A Cultural Sociology of Religion: New Directions", *Annual Review of Sociology* 38(1): 247–265.

30. Kurzman, C. (2019) "Sociologies of Islam", *Annual Review of Sociology* 45(1): 265–277.

31. Inglehart, R. F. *Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?*

32. Asad T. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность.

33. Gorski, P.S., Altinordu, A. (2008) "After Secularization?", *Annual Review of Sociology* 34(1): 55–85.

низации является эпистемологически некорректным по отношению к мусульманским обществам³⁴.

Мы не можем полностью согласиться с этим утверждением. Во-первых, результаты различных исследований в отдельных странах показывают, что в государствах с мусульманских большинством населения мы видим схожие процессы изменения ценностей, что и в остальных, но с некоторым временным лагом, связанным с их изначально более низким уровнем социально-экономического развития³⁵. Речь идет о нефтяных монархиях Персидского залива, где последние десятилетия наблюдается резкое повышение уровня жизни. Во-вторых, наше исследование частично подтверждает актуальность использования теоретического концепта культурной теории модернизации в применении к анализу мусульманских обществ. Далее мы рассмотрим отдельные методологические аспекты измерения религиозности более детально.

Для измерения религиозности мусульман не существует единого или наиболее популярного стандарта. Чаще всего авторы используют множество различных показателей: от посещения мечетей до поста в месяц Рамадан³⁶. В кросс-национальных исследованиях зачастую используется универсальная методика оценки религиозности, которую условно можно назвать «субъектив-

34. Asad T. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность.

35. Moaddel, M. "The Iranian Revolution and its Nemesis: The Rise of Liberal Values among Iranians".

36. Ishaq, B., Østby, L., Johannessen, A. (2021) "Muslim Religiosity and Health Outcomes: A Cross-Sectional Study Among Muslims in Norway", *SSM — Population Health* 15(1): 100843.; Diehl, C., Koenig, M., Ruckdeschel, K. (2009) "Religiosity and Gender Equality: Comparing Natives and Muslim Migrants in Germany", *Ethnic and Racial Studies* 32(2): 278–301.; Mohd Dali, N.R. S., Yousafzai, S., Abdul Hamid, H. (2019) "Religiosity Scale Development", *Journal of Islamic Marketing* 10(1): 227–248; De Jong, J., Moaddel, M. (2003) "Trends in Values Among Saudi Youth: Findings from Values Surveys", *The Journal of the History of Childhood and Youth* 6(1): 151–164; Ateequr, R; Shahbaz Shabbir, M. (2010) "The Relationship Between Religiosity and New Product Adoption", *Journal of Islamic Marketing* 1(1): 63–69; Maliepaard M., Lubbers M., Mérove, G. (2010) "Generational Differences in Ethnic and Religious Attachment and Their Interrelation. A Study Among Muslim Minorities in the Netherlands", *Ethnic and Racial Studies* 33(3): 451–472; Maliepaard, M., Gijsberts, M., Lubbers, M. (2012) "Reaching the Limits of Secularization? Turkish-and Moroccan-Dutch Muslims in the Netherlands 1998–2006", *Journal for the Scientific Study of Religion* 51(2): 359–367.; Lesthaeghe, R., Neels, K. (2000) *Islamic Communities in Belgium: Religious Orientations and Secularization In Communities and Generations. Turkish and Moroccan Populations in Belgium*, pp. 129–163. Brussels: VUB University Press.

ной религиозностью», где респонденту предлагается самому дать оценку собственной религиозности³⁷.

Под «объективной религиозностью» мы понимаем религиозные практики или религиозное участие (involvement/commitment)³⁸. В российских исследованиях, применительно к практикам русского православия, используется термин «воцерковленность». Под ним чаще всего понимаются уровень религиозной самоидентификации, частота посещения религиозных служб, реже — соблюдение поста³⁹. Один из таких примеров — индекс В. Чесноковой. В ее методике учитывается посещение храмов, регулярность причащения и молитв, а также чтение религиозных текстов⁴⁰. Между тем воцерковленность — более узкое понятие, чем религиозность, так как концентрируется не на самоидентификации, а на практиках. Эквивалентно мы используем термин «объективная религиозность», так как в отличие от воцерковленности он семантически не привязан к определенной религии, с одной стороны, и скорее говорит о действиях, а не субъективной оценке, с другой. Из этих соображений мы также не включаем самоидентификацию в наше понимание объективной религиозности.

Исламский культ состоит из пяти столпов: шахады (свидетельства исповедания веры), ежедневной пятиразовой молитвы, зяката (милостыни), хаджа (паломничества в Мекку) и поста в месяц Рамадан⁴¹. Шахаду произносят лишь при вступлении в веру, что делает ее использование как индикатора бессмысленным, а милостыня и паломничество являются обязательными лишь при определенном уровне материального достатка, поэтому в большинстве исследований их не используют. Молитва и пост в этом смысле являются обязательными для всех и подходящими индикаторами, однако в исследованиях также зачастую используется

37. Инглхарт Р., К. Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития.

38. Aksoy, O., Wiertz, D. (2024) "The Impact of Religious Involvement on Trust, Volunteering, and Perceived Cooperativeness: Evidence From Two British Panels", *European Sociological Review* 40(1): 143–159; Uecker, J. E., McClure, P. K. (2023) "Screen Time, Social Media, and Religious Commitment among Adolescents", *The Sociological Quarterly* 64(2): 250–273.

39. Чеснокова В. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005.

40. ФОМ (2014) «Воцерковленность православных» [<https://fom.ru/TSennosti/11587>, дата обращения 14.11.2023].

41. Журавский А. Введение в ислам: 12 лекций для проекта магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2019.

вопрос о частоте посещения мечетей, так как посещение мечети, как минимум для пятничной молитвы, является желательным⁴². Исходя из этого, мы считаем, что объективная религиозность должна измеряться исходя из этих трех индикаторов: посещение мечетей, пост и частота молитв. Однако на Северном Кавказе женщины редко посещают мечеть, поэтому мы рассчитываем индекс объективной религиозности, учитывающий только пост и частоту молитв.

Субъективная религиозность измерялась по двум факторам: I. Субъективная самоидентификация по 5-балльной шкале, где 1 — религиозный человек, 2 — нерелигиозный человек, 3 — атеист, 4 — затрудняюсь ответить, 5 — другое, а также важность бога в жизни человека: от 1 — совсем не важен, до 10 — очень важен; II. Объективная религиозность измерялась с помощью трех вопросов: 6-балльная шкала частоты молитв (0 — несколько раз в день; 6 — никогда, почти никогда), 7-балльная шкала частоты посещения мечетей (1 — чаще, чем раз в неделю, 7 — никогда, почти никогда) и бинарная шкала поста (1 — держит пост, 2 — не держит).

Данные

Данные были взяты из онлайн-опроса, проведенного автором исследования. Опрос проводился весной 2022 года в онлайн-группах в социальных сетях и мессенджерах: ВК, Одноклассники и Телеграм.

Выбор групп осуществлялся путем последовательного отбора наиболее массовых групп, которые были посвящены непосредственно региону или наиболее крупным городам региона: например «Подслушано, Татарстан».

Выборка составляет 748 человек; после отсеивания людей, которые живут в регионе не большую часть жизни и не являются мусульманами, остаются 581 человек. Мы предполагаем, что ключевую роль в ценностных установках человека играет опыт жизни в том обществе, где он провел большую часть жизни, поэтому исключаем тех респондентов, которые переехали в регион уже во взрослом возрасте⁴³. Нас также интересуют только те «религи-

42. Там же.

43. Инглхарт Р., К. Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития.

озные люди», которые относят себя к исламу, поэтому представители других религий были исключены. В выборку вошли семь регионов РФ, где мусульмане составляют большинство населения, однако Кабардино-Балкария в итоге была исключена из анализа из-за слишком маленького количества респондентов ($n < 30$).

Ниже представлено количество респондентов для каждого региона.

Таблица 1. Количество респондентов в каждом регионе

Регион	Количество респондентов
Ингушетия	32
Чечня	69
Карачаево-Черкесия	71
Кабардино-Балкария	25
Дагестан	55
Башкирия	159
Татарстан	170
Всего	581

Большинство респондентов — это люди с высшим образованием ($n=337$) и средним профессиональным ($n=120$). Более 70% — женщины ($n=411$). Такое смещение является стандартным для онлайн-опросов. Доход измерялся по 6-балльной шкале от «Нам не хватает денег даже на питание» до «Мы можем позволить себе практически все». Распределение по доходу выглядит следующим образом: самая большая группа ($n=202$) — те, кто могут позволить себе покупку дорогих вещей, но не автомобиль; две другие большие группы — «Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах» ($n=108$) и «Нам хватает денег на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы» ($n=195$).

Респонденты были объединены в три возрастные группы из-за недопредставленности людей из наиболее старших групп: молодые люди от 18 до 30 лет ($n=251$), люди среднего ($n=238$) и старшего ($n=92$) возраста. Медианный возраст респондента — 31 год.

Уровень экзистенциальной безопасности зависит от экономического развития, который на страновом уровне определяется через валовый внутренний продукт (ВВП). Для регионов мы используем соответствующий уровень ВРП. Данные по валовому региональному продукту (ВРП) на душу населения для регионов были взяты из базы данных Росстата за 2021 год.

Социально-демографические переменные, а также показатель этнической гетерогенности и доли русского населения в регионе взяты в качестве контрольных переменных. Наличие переменной этнической гетерогенности обусловлено относительной гомогенностью этнического состава некоторых республик Северного Кавказа и гетерогенностью республик Поволжья. Эта переменная рассчитывается как доля самой крупной этнической группы в республике. В свою очередь, переменная доля русского населения в регионе взята для того, чтобы учесть влияние немусульманской культуры на местное население в регионе. Эти две переменные — этническая гетерогенность и доля русского населения — несколько похожи, однако корреляционный анализ показал, что связь между ними средняя и отрицательная ($-0,58$), что не позволяет говорить о том, что их можно использовать как взаимозаменяемые.

Анкета в части используемых данных дублирует вопросы исследовательского центра World Values Survey (WVS).

Несмотря на ограничения онлайн-опроса как метода и исследовательской стратегии у него есть ряд преимуществ. В нашем случае к ним относятся относительно малая затратность ресурсов, а также доступ к определенным социальным группам в отсутствии иных данных, собранных конвенциональными способами. Кроме того, деиерархизация это ок? коммуникации, свойственная онлайн-опросу, особенно актуально в случае сенситивности религиозной тематики для жителей мусульманских регионов.

Ограничения

Ограничением онлайн-опроса является низкая доступность наиболее старших возрастных групп. Низкий уровень урбанизации и относительно низкий уровень использования интернета существенно затрудняют возможности репрезентации результатов для регионов Северного Кавказа особенно, но и для Поволжья тоже.

Помимо этого, стоит отдельно сказать о разнице в течениях ислама, которая не учитывается в нашем исследовании. Так, на территориях республик Северного Кавказа доминирует суннитский ислам суфийского толка. Это, упрощенно говоря, более мистическое течение ислама⁴⁴. В Татарстане и Башкирии скорее присутствуют более конвенциональные течения ислама.

44. Журавский А. Введение в ислам: 12 лекций для проекта магистерия.

Также существуют разные критерии определения религиозности в исламе⁴⁵. Существует множество различных подходов, о которых ведутся споры⁴⁶. Мы взяли подход, который оценили как наиболее универсальный, чтобы результаты можно было сопоставлять с другими, но не все авторы с этим согласны, так как внутри ислама существует большое количество религиозных течений с отличающимися религиозными практиками⁴⁷.

Другим важным обстоятельством является внешняя валидность результатов. Мы предполагаем, что индекс объективной религиозности сконструирован из факторов, которые обладают для ислама и его представителей универсальной спецификой и важностью. Однако и этот индикатор, и другие выводы следует проверить на материале других исламских стран и обществ, особенно иных исламских течений, например, шиитского (Азербайджан, Бахрейн, Иран).

Еще одним ограничением является возможность вывода и причинно-следственной связи между текущим уровнем экономического развития и религиозностью. Ограниченность данных конкретным временным периодом не дает с полной уверенностью сделать вывод о каузальности или направлении связи.

Дополнительное ограничение связано с отсутствием разграничения жителей городов и сел в нашей выборке. Его мы подробнее рассматриваем в разделе с обсуждением результатов.

Анализ данных

Результаты анализа показывают, что регионы Северного Кавказа действительно оказываются более религиозны, чем регионы Поволжья, как с точки зрения субъективной самоидентификации, так и с точки зрения объективной религиозности или практик. Мы также видим подтверждение исходной гипотезы о связи между религиозностью и состоянием экономики, измеренной по ВРП (валовому региональному продукту) (см. рис. 1).

45. Kurzman C. *Sociology of Islam*.

46. Абдулагатов З. О критериях религиозности в исламе // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 3. С. 57–71.

47. Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность.

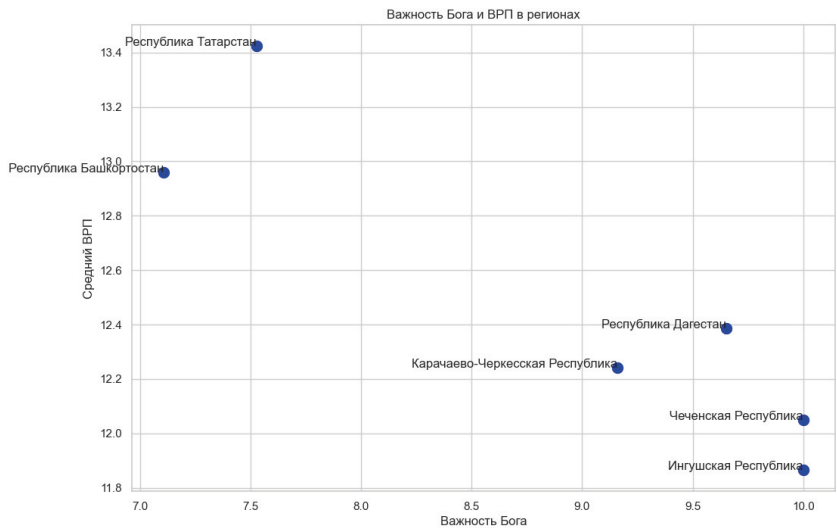

Рис. 1. Субъективная религиозность (важность Бога) и ВРП в 6 регионах России (от 0 до 10, где 1 — совсем не важен, а 10 — очень важен)

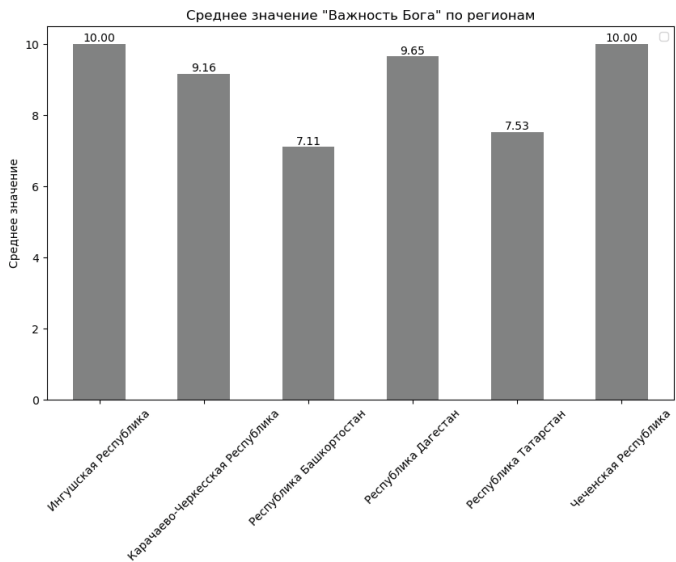

Рис. 2. Среднее значение важности Бога по шкале от 1 до 10, где 1 — совсем не важен, а 10 — очень важен, для регионов с мусульманским большинством населения

Здесь речь идет о субъективной религиозности, но результаты оказываются устойчивы и для объективной религиозности (см. рис. 3).

Мы видим, что наиболее религиозными оказываются Чеченская Республика и Ингушетия, которые одновременно являются самыми бедными с точки зрения регионального дохода, тогда как наименее религиозными оказываются Татарстан и Башкирия, в свою очередь Дагестан и Карачаево-Черкесия занимают промежуточное положение. С одной стороны, это положение можно объяснить исключительно экономической ситуацией, однако мы предполагаем, что это также может быть связано с этнической гетерогенностью Дагестана и Карачаево-Черкесии, где в отличие от Чечни и Ингушетии нет одной доминирующей этнической группы, а есть множество представителей различных национальностей.

С точки зрения переменной «важности Бога» Чечня и Ингушетия демонстрируют наиболее высокие значения. Средний балл для обеих республик равен 10. Для Карачаево-Черкесии и Дагестана значения отличаются, но в пределах одного балла. В свою очередь, для Татарстана и Башкирии средние значения равны 7,5 и 7,1 соответственно, что говорит об их более низкой религиозности (см. рис. 2).

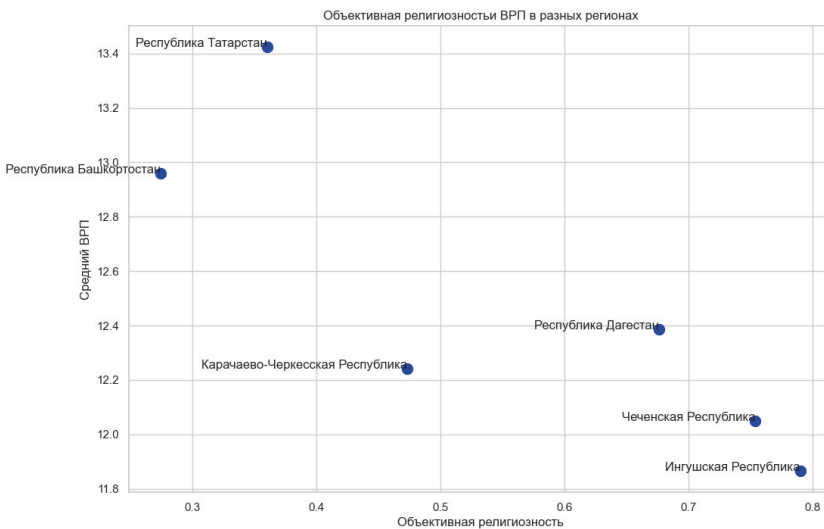

Рис. 3. Индекс объективной религиозности и ВРП для разных регионов России (индекс непрерывный от 0 до 1, где 1 — самое высокое значение; включает в себя переменные частоты молитв, посещения мечетей и пост)

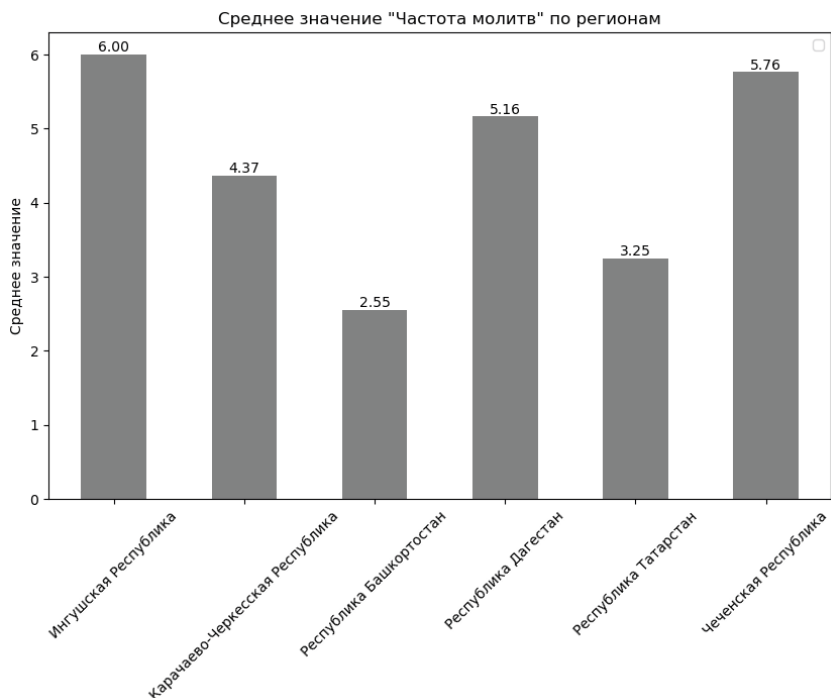

Рис. 4. Среднее в каждом регионе по переменной «частота молитв», рассчитанной от 0 до 6, где 0 — никогда или почти никогда, а 6 — несколько раз в день

Показатель частоты молитв в каждой республике во многом схож с тем, что показывает распределение по переменной важности Бога. Чечня и Ингушетия занимают наиболее высокие позиции, что означает, что каждый житель в среднем молится несколько раз в день. Для Башкирии и Татарстана значение 2,5 и 3,2 означает, что люди в среднем молятся только по праздникам или при посещении мечети. Для Карачаево-Черкесии среднее значение 4,3 означает, что люди в среднем молятся несколько раз в неделю, тогда как в Дагестане молятся в среднем раз в день (см. рис. 4).

В свою очередь, частота посещения мечетей демонстрирует схожую динамику. Наиболее высокие значения наблюдаются в Чечне и Ингушетии, где среднее значение близко к 5, что означает, что жители этих республик посещают мечеть в среднем раз в месяц. В Дагестане в среднем люди ходят в мечеть по особым религиозным праздникам, а в Карачаево-Черкесии, Татарстане

и Башкирии в среднем мечеть посещают раз в год. По этой переменной ни одна республика не приближается к наиболее высокому значению (7), что означает посещение мечетей чаще, чем раз в неделю.

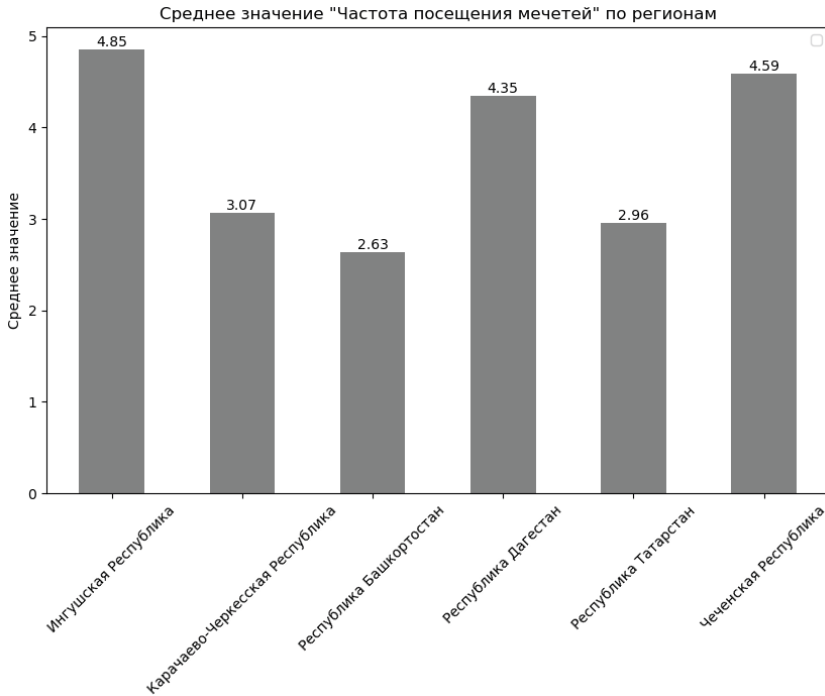

Рис. 5. Среднее значение по переменной «Частота посещения мечетей» для каждого региона. Переменная измерялась по 7-балльной шкале, где 0 — никогда, почти никогда, а 7 — несколько раз в неделю)

Еще один показатель объективной религиозности в исламе — это пост. Мы видим, что в среднем большинство людей держат пост в Чечне, Ингушетии и Дагестане. В Карачаево-Черкесии примерно половина держит и половина не держит, а в Татарстане и Башкирии большинство населения не держат пост в месяц Рамадан (см. рис. 6).

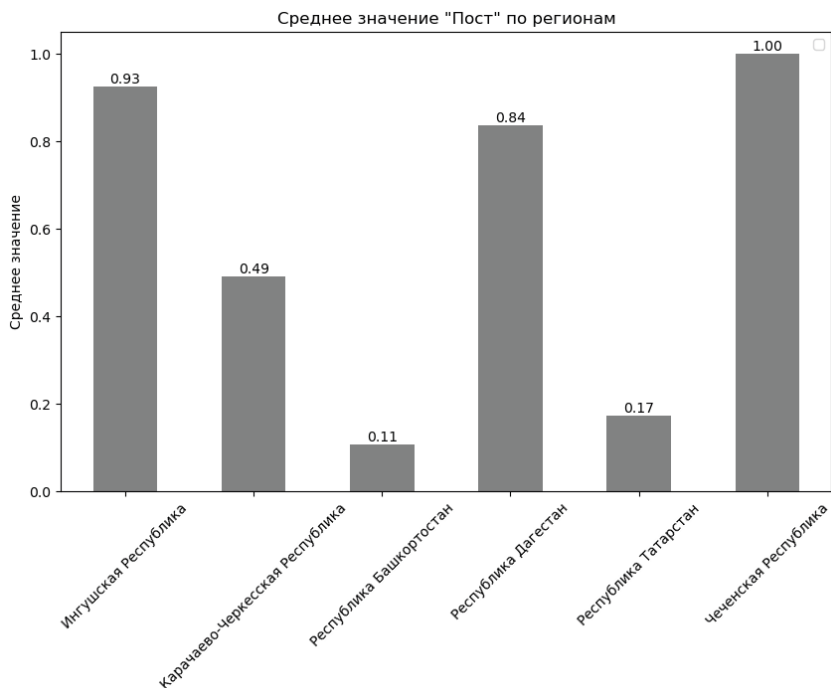

Рис. 6. Среднее значение по переменной «Пост» для каждого региона. Значение 0, если человек не держит пост, 1 — держит

Дальнейший анализ показывает, что социально-экономические факторы достаточно хорошо предсказывают как объективную, так и субъективную религиозность респондента. При добавлении в модель в качестве объясняющей переменной для субъективной религиозности непосредственно объективную религиозность объяснительная сила повышается практически до 50%.

Тем не менее мы видим, что индивидуальные характеристики респондента слабо увеличивают объяснительную силу модели. Объективная религиозность и ВРП позволяют объяснить до 40% вариации, тогда как добавление индивидуальных характеристик респондента (таких как образование, доход и гендер) увеличивает качество модели лишь на 2%. Между тем сами переменные дохода, возраста и образования оказываются незначимыми почти во всех спецификациях. Это не противоречит изначальным предположениям, напротив, культурная теория модернизации Инглхарта и Вельцеля предполагает, что макрохарактеристики (на уровне обществ) имеют большее влияние, чем индивидуальные

ные⁴⁸. Между тем добавление в модель как переменной этнической гомогенности, так и доли русского населения увеличивает объяснительную силу модели всего на 1%, при этом обе переменные оказываются незначимыми.

Таблица 2. Линейная регрессия методом наименьших квадратов с зависимой переменной — субъективной религиозностью⁴⁹

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Константа	15,01 (2,62)	11,6 (2,64)	15,02 (2,37)	15,45 (3,28)
Объективная религиозность	5,54 (0,35)	5,0 (0,34)	5,25 (0,36)	5,21 (0,36)
Внутренний региональный продукт (ВРП)	0,72 (0,2)	-0,44 (0,20)	-0,7 (0,17)	-0,75 (0,27)
Высшее образование	0,47 (0,21)			
Пол	-1,45 (0,24)		-1,14 (0,23)	-1,11 (0,23)
Возраст				
Доход				
Этническая гомогенность				
Доля этнических русских				
R2	0,42	0,40	0,43	0,43

Результаты устойчивы для иного измерения религиозности — субъективной. С одной стороны, это показывает, что люди, которые чаще занимаются религиозными практиками, чаще идентифицируют себя как более религиозных, однако значительная необъясненная доля может говорить о том, что декларируемая религиозность далеко не всегда совпадает с реальными действиями людей⁵⁰. Это показывает, что тенденция, наблюдаемая для

48. Инглхарт Р. Культурная эволюция.
49. В модели приведены только статистически значимые коэффициенты.
50. Филатов С., Лункин Р. Статистика Российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. Россия и мусульманский мир; Тоценко Ж. Парадоксальный человек.

остальных религий и их последователей, подтверждается и для мусульманских обществ.

Таблица 3. Линейная регрессия методом наименьших квадратов с зависимой переменной — объективной религиозностью⁵¹

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Константа	2,86 (0,33)	1,36 (0,38)		
Субъектив- ная религи- озность			0,06 (0,01)	0,06 (0,004)
Внутренний региональ- ный продукт (ВРП)	-0,20 (0,03)	-0,11 (0,03)		
Высшее образование				
Пол	0,03 (5,67)	0,21 (0,03)	0,2 (0,03)	0,17 (0,02)
Возраст				
Доход		0,03 (0,01)		
Этническая гомогенность		0,01 (0,001)	0,004 (0,001)	
Доля русско- го населения				-0,01 (0,001)
R2	0,25	0,33	0,54	0,55

При добавлении в модель переменной этнической гетерогенности, то есть доли самой крупной этнической группы в общей численности населения региона, объясненные различия в объективной религиозности несколько увеличиваются с 25% до 33%. Это может говорить о том, что этот фактор играет роль, но не очень значительную. Большая этническая гомогенность связана с большей объективной религиозностью, что может говорить о том, что большая культурная однородность предполагает большую религиозность. Однако в случае с использованием переменной доли русского населения экономическое благосостояние становится незначимым.

51. В модели приведены только статистически значимые коэффициенты; в остальных случаях в таблице показатели опущены.

Таблица 4. Линейная регрессия методом наименьших квадратов с зависимой переменной — объективной религиозностью (без частоты посещения мечетей)⁵²

Переменные	Модель 1	Модель 2
Константа	1,84 (0,51)	3,69 (0,35)
Внутренний региональный продукт (ВРП)	-0,09 (0,04)	-0,27 (0,03)
Высшее образование		0,06 (0,03)
Пол		0,01 (0,001)
Этническая гомогенность		
Доля русского населения	-0,01 (0,002)	
R ²	0,37	0,38

В моделях с индексом объективной религиозности, который не учитывает частоту посещения мечетей, мы наблюдаем те же эффекты. Более того, использование переменной доли этнических русских уже не отменяет эффекта экономического благосостояния, хотя несколько его ослабляет. Это может говорить о том, что влияние немусульманских культур на местное население имеет место и связано с меньшей религиозностью.

Кроме того, в случае когда мы не учитываем посещение мечетей в индексе объективной религиозности, у нас полностью пропадает разница в религиозности между полами. Это означает, что мы не можем говорить об устойчивой разнице в соблюдении поста и частоте молитв между мужчинами и женщинами.

Обе модели также сохраняют высокую объяснительную силу, что говорит о том, что исключение частоты посещения мечетей значительно не повлияло на результаты.

52. В модели приведены только статистически значимые коэффициенты.

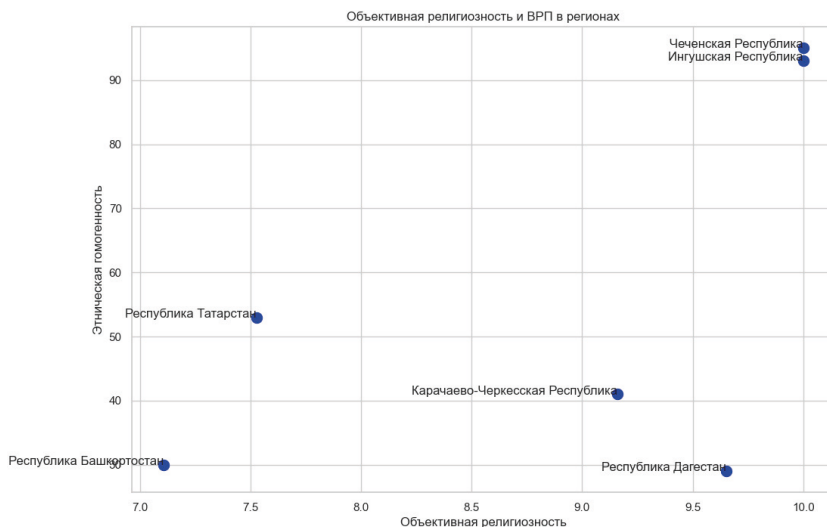

Рис. 7. Этническая гомогенность (рассчитана как доля самой крупной этнической группы среди населения республики) в разных регионах и объективная религиозность

На графике мы видим, что в Башкирии и Дагестане этническая гомогенность достаточно низкая, но по объективной религиозности Дагестан оставляет Башкирию далеко позади. И очень высокий уровень этнической гомогенности и объективной религиозности мы можем наблюдать только для Чеченской Республики и Ингушетии.

Обсуждение результатов

Мы видим, что средний уровень религиозности, измеренный как важность Бога в жизни человека, для регионов Поволжья равен от 7 до 7,5, а для регионов Северного Кавказа колеблется от 9,16 до 10. Результаты, полученные для регионов Северного Кавказа, во многом схожи с теми оценками, которые получил Р. Инглхарт при анализе стран с мусульманским большинством (в среднем 9,45). В свою очередь, оценки для регионов Поволжья хотя и являются достаточно высокими, заметно отличаются от этих показателей. С одной стороны, это может быть связано со спецификой выборки настоящего исследования. Более молодая и образованная аудитория социальных сетей более секулярна в раз-

живающихся регионах Поволжья, тогда как старшее поколение, менее представленное в соцсетях, возможно, более религиозно. С другой стороны, также возможно, что для находящихся в относительно сложной экономической ситуации регионов Кавказа (Чечня и Ингушетия, например, занимают две последние строчки в рейтинге регионов по валовому региональному продукту — ВРП — на душу населения) ситуация обратная. Молодое поколение в этих регионах, возможно, более религиозно из-за меньшего чувства безопасности, а старшее поколение, менее представленное в онлайн-сообществах, напротив, более секулярно. Это может несколько уменьшить показатель уровня религиозности для кавказских республик.

Если оба эти предположения верны, то, возможно, разница в уровне религиозности между мусульманскими регионами Поволжья и Северного Кавказа на самом деле меньше, чем представлена в настоящем исследовании. Хотя мы также можем предположить, что отсутствие более возрастных респондентов может компенсироваться более низкой представленностью жителей сельской местности, которые традиционно более религиозны, но реже участвуют в онлайн-опросах. В ином случае, если наши оценки отражают действительное положение дел, то сравнение регионов Северного Кавказа и Поволжья является хорошей иллюстрацией того, как теория секуляризации работает в мусульманских сообществах.

Исследование во многом подтверждает применимость культурной теории модернизации и индикатора объективной религиозности к представителям мусульманской религии, во всяком случае в регионах России.

В мусульманских сообществах по мере развития также происходит секуляризация. Татарстан и Башкирия, которые являются значительно более экономически развитыми, оказываются менее религиозными, чем регионы Северного Кавказа. Эти выводы подтверждают не только оценки собственной религиозности со стороны самих жителей этих регионов, но и их религиозное поведение или практики. Жители регионов Поволжья значительно реже молятся, ходят в мечеть и держат пост, в то время как на Северном Кавказе это является общепринятой нормой.

Тем не менее, отдельные аспекты заслуживают дополнительного внимания. Например, играет ли какую-то роль определенная разница между течениями ислама, распространенными в Поволжье и на Северном Кавказе? Возможно, для более точ-

ного понимания здесь лучше бы подошел качественный дизайн исследований.

Помимо этого, мы видим, что социально-экономические факторы, этническое разнообразие в связке с объективной религиозностью не могут полностью объяснить вариацию субъективной религиозности. Иными словами, на восприятие себя как религиозного, возможно, влияют и иные факторы. Мы предполагаем, что это, исходя из уже упомянутой концепции культурной модернизации, могут быть как уровень индекса ценностей самовыражения в обществе, выведенный Инглхартом и Вельцелем и отражающий восприятие обществом различных вопросов организации коллективной жизни (например отношение к гендерному равенству, доверие к незнакомцам, готовность подписывать петиции и т.п.), так и иные факторы⁵³.

Заключение

Результаты во многом подтверждают гипотезу о секуляризации, выведенную из культурной теории модернизации Инглхарта и Вельцеля. Мы видим, что уровень благополучия региона непосредственно связан как с восприятием собственной религиозности, так и с религиозными практиками. Мусульманские регионы Северного Кавказа оказываются значительно более религиозными при наиболее низких региональных экономических показателях. В свою очередь, регионы Поволжья (Татарстан и Башкирия) значительно менее религиозны и значительно реже соблюдают религиозные практики (держат пост, молятся и ходят в мечеть).

Помимо проверки классического предположения теории модернизации, мы также использовали индекс объективной религиозности для альтернативных оценок религиозности мусульманского населения. Концептуально обосновав выбор конкретных индикаторов, мы убедились, что в случае российских регионов с мусульманским населением эти оценки схожи с полученными альтернативным методом измерения — субъективным восприятием себя как религиозного. Уровень объективной религиозности, как правило, оказывается ниже, чем показатели субъективных оценок. Однако это не представля-

53. Инглхарт Р., К. Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития.

ется чем-то необъяснимым, так как большинство современных эмпирических исследований религиозности показывают схожие результаты: декларируемая религиозность всегда выше, чем готовность прилагать дополнительные усилия и совершать какие-то действия.

В дальнейшем перспективным направлением кажется проверка полученных результатов на данных, полученных в разные периоды времени, чтобы оценить тенденцию роста или уменьшения религиозности в динамике. Случай мусульманских республик Северного Кавказа можно рассматривать с точки зрения теории религиозных рынков, так как выше уже говорилось, что в этих республиках активно конкурируют суфийская версия ислама и набирающая популярность ортодоксальная, предлагающая вернуться к истокам ислама времен Мухаммеда и отвергающая любую альтернативу и любые новшества как еретические⁵⁴. Кроме того, оставшаяся за скобками категория нерелигиозных и неверующих респондентов может быть рассмотрена с точки зрения различного опыта социализации. Возможно, люди, которые выросли в семьях с разными религиозными установками (например, христианские или мусульманские семьи), отличаются между собой внутри регионов с мусульманским большинством. Также перспективным кажется анализ межпоколенческой религиозности в рассматриваемых регионах, так как культурная теория модернизации предсказывает наибольшие изменения в более молодых когортах, которые выросли в условиях, когда безопасность является гарантированной. Исходя из этого можно предположить, что в Татарстане и Башкирии молодые поколения окажутся более секулярными, тогда как в Чеченской республике, например, когорты, выросшие в условиях вооруженных конфликтов, будут более религиозными, чем представители старших поколений, что связано с тем, что период социализации и формирования базовых ценностных установок эти люди проживали в условиях отсутствия ощущения безопасности и экономического развития, а уже сформированные к определенному возрасту (20–24 годам) ценности меняются лишь незначительно⁵⁵.

54. Roy, O. (1994) *The Failure of Political Islam*. Harvard University Press.

55. Инглхарт Р. Культурная эволюция.

Библиография / References

- Абдулагатов З. О критериях религиозности в исламе // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 3. С. 57–71.
- Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность. Новое литературное обозрение, 2020.
- Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Дюркгейм Э. разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Журавский А. Введение в ислам: 12 лекций для проекта магистерия // Изд. Rosebud Publishing, 2019.
- Инглхарт Р. и К. Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция // М.: Мысль, 2018.
- Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос, 2005, 50(5): 23–40.
- Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №4(36). С. 143–174.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. Москва: Политиздат, 1969.
- Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Ситников А., Романов М., Одаев Т. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №150(2). С. 262–288.
- Тощенко Ж. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2008.
- Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3(82). С. 3–32;
- Филатов С., Лункин Р. Статистика Российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Россия и мусульманский мир, 2005 (10). С. 42–53.
- Чеснокова В. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект. 2005.
- Aksoy, O., Wiertz, D. (2024) “The Impact of Religious Involvement on Trust, Volunteering, and Perceived Cooperativeness: Evidence from Two British Panels”, *European Sociological Review* 40(1): 143–159.
- Ateequr, R, Shahbaz Shabbir, M. (2010) “The Relationship Between Religiosity and New Product Adoption”, *Journal of Islamic Marketing* 1(1): 63–69.
- Baker, J.O., & Smith, B.G. (2009) “The Nones: Social Characteristics of the Religiously Unaffiliated”, *Social Forces* 87(3): 1251–1263.
- Baumsteiger, R., Chenneville, T., McGuire, J.F. (2013) “The Roles of Religiosity and Spirituality in Moral Reasoning”, *Ethics & Behavior* 23(4): 266–277.
- Berger, P. (2001) “Sociology: a disinvitation?”, In S. Cole (ed.) *What’s Wrong with Sociology?*, pp. 193–204. New Brunswick; L.: Transaction Publishers.
- Bruce, S. (2002) *God Is Dead: Secularization in the West*. London: Blackwell.

- Mohd Dali, N.R.S., Yousafzai, S., Abdul Hamid, H. (2019) "Religiosity Scale Development", *Journal of Islamic Marketing* 10(1): 227–248.
- De Jong, J. Moaddel, M. (2003) "Trends in Values among Saudi Youth: Findings from Values Surveys", *The Journal of the History of Childhood and Youth* 6(1): 151–164.
- Diehl, C., Koenig, M., Ruckdeschel, K. (2009) "Religiosity and Gender Equality: Comparing Natives and Muslim Migrants in Germany", *Ethnic and Racial Studies* 32(2): 278–301.
- Eisenstadt, S. (1966) *Modernization: Protest and Change and Development*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.
- Evans, J., Evans, M. (2008) "Religion and Science: Beyond the Epistemological Conflict Narrative", *Annual Review of Sociology* 34(1): 87–105.
- Gorski, P., Altinordu, A. (2008) "After Secularization?", *Annual Review of Sociology* 34(1): 55–85.
- Inglehart, R.F. (2020) *Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?*. Oxford University Press.
- Ishaq, B., Østby, L., Johannessen, A. (2021) "Muslim Religiosity and Health Outcomes: A Cross-Sectional Study Among Muslims in Norway", *SSM-Population Health* 15(1): 100843.
- Kurzman, C. (2019) "Sociologies of Islam", *Annual Review of Sociology* 45(1): 265–277.
- Lesthaeghe R., Neels, K. (2000) "Islamic Communities in Belgium: Religious Orientations and Secularization". In *Communities and Generations. Turkish and Moroccan Populations in Belgium*, pp. 129–163. Brussels: VUB University Press.
- Maliepaard, M., Gijsberts, M., & Lubbers, M. (2012) "Reaching the Limits of Secularization? Turkish-and Moroccan-Dutch Muslims in the Netherlands 1998–2006", *Journal for the Scientific Study of Religion* 51(2): 359–367.
- Maliepaard, M., Lubbers, M., Mérove, G. (2010) "Generational Differences in Ethnic and Religious Attachment and Their Interrelation. A Study Among Muslim Minorities in the Netherlands", *Ethnic and Racial Studies* 33(3): 451–472.
- McCleary, R.M., Barro, R.J. (2019) *The Wealth of Religions: The Political Economy of Believing and Belonging*. Princeton University Press.
- Moaddel, M. (2009) "The Iranian Revolution and its Nemesis: The Rise of Liberal Values among Iranians", *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 29(1): 126–136.
- Norris, P., Inglehart, R. (2004) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Penny, E. (2012) "A Cultural Sociology of Religion: New Directions", *Annual Review of Sociology* 38(1): 247–265.
- Pinker, S. (2021) *Luchshee v nas. Pochemu nasiliya v mire stalo men'she* [The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined] / per. s angl. Galiny Borodinoj. M.: Al'pina non-fikshn. (In Russ.)
- Regnerus, M.D., Smith, C. (1998) "Selective Deprivatization Among American Religious Traditions: The Reversal of The Great Reversal", *Social Forces* 76(2): 1347–1372.
- Roy, O. (1994) *The Failure of Political Islam*. Harvard University Press.
- Sherkat, D.E., Ellison, C.G. (1999) "Recent developments and current controversies in the sociology of religion". *Annual Review of Sociology* 25(1): 363–394.
- Sitnikov, A.V., Romanov, M.V., & Odaev, T.H. (2019). *Religioznost' v Chechenskoj Respublike i ee vliyanie na social'nye instituty i instituty vlasti* [Religiosity in the Chechen Republic and its influence on social institutions and institutions of power].

- Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 2 (150): 262–288.
- Smith, C. (ed.) (2003) *The Secular Revolution: Power, Interests, and Conflict in the Secularization of American Public Life*. Berkeley: Univ. Calif. Press.
- Smith, C. (2009) *Souls in Transition: The Religious and Spiritual Lives of Emerging Adults*. New York: Oxford Univ. Press.
- Stark, R., Finke, R. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: Univ. Calif. Press.
- Uecker, J. E., McClure, P. K. (2023) “Screen Time, Social Media, and Religious Commitment among Adolescents”, *The Sociological Quarterly* 64(2): 250–273.
- Warner, R. S. (1993) “Work in Progress Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States”, *American Journal of Sociology* 98(5): 1044–1093.
- Zuckerman, P. (2008) *Society Without God. In Society Without God*. New York University Press.